

Приложения к Журналам собраний Совета Московской Духовной Академии за 1916 // Богословский вестник 1918. Т. 1. № 3/4/5. С. 1–32 (5-я пагин.).

П р и л о ж е н і я

къ Журналамъ собраний Совѣта

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

за 1916 годъ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ПО КАФЕДРЪ ОСНОВНОГО БОГОСЛОВІЯ С. С. ГЛАГОЛЕВА О СОЧИНЕНІИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ, КАНДИДАТА БОГОСЛОВІЯ, *Николая Чернявскаго* ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ: „ИМПЕРАТОРЪ ТEOДОСІЙ ВЕЛИКІЙ И ЕГО ЦАРСТВОВАНИЕ ВЪ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ. ОПЫТЪ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ“. СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ, 1913 Г., ПРЕДСТАВЛЕННОМЪ НА СОИСКАНИЕ СТЕПЕНИ МАГИСТРА БОГОСЛОВІЯ:

„Господинъ Чернявскій первоначально представилъ свою диссертацию въ рукописи. Совѣтъ Академіи, признавъ ее удовлетворительною, постановилъ, что при печатаніи авторъ долженъ внести въ свою работу исправленія согласно отзывамъ рецензентовъ. Теперь г. Чернявскій представилъ свой трудъ въ печатномъ видѣ. На рецензентовъ была возложена обязанность доложить Совѣту, какою въ окончательномъ видѣ явится его диссертациа.

Согласно этому опредѣленію Совѣта честь имѣю доложить слѣдующее.

Въ своемъ первомъ отзывѣ я призналъ г. Чернявскаго заслуживающимъ за свой трудъ степени магистра богословія, не смотря на недостатки этого труда. Теперь я долженъ повторить то же самое, выражая сожалѣніе, что при печатаніи авторъ не слишкомъ много позаботился объ исправленіи недостатковъ рукописи.

Въ своемъ первомъ отзывѣ я писалъ, что я укажу нѣсколько мѣстъ въ рукописи, которыя необходимо исправить,

Указать всѣ фразы и періоды, нуждающіеся въ исправленіи, я считалъ излишнимъ. При внимательномъ перечитываніи авторъ самъ долженъ былъ ихъ замѣтить. Но авторъ ограничился только исправленіемъ указанныхъ мѣстъ и притомъ исправленіемъ не всегда удачнымъ.

На 10 стр. рукописи г. Чернявскій писалъ: „Эдиктъ... усилилъ ряды... войскъ солдатами, которые съ нашествіемъ врага оставили свои обязанности, а примѣръ полководца, не отстававшаго отъ рядовыхъ солдатъ въ несеніи тягостей службы, воодушевилъ воиновъ.“

Въ печати онъ исправилъ такъ. Эдиктъ объ амнистіи усилилъ ряды его войскъ солдатами, которые, при первомъ нашествіи врага, бѣжали изъ своихъ полковъ, а примѣръ полководца, не отстававшаго отъ рядовыхъ солдатъ въ несеніи тяжестей военной службы, воодушевлялъ воиновъ и облегчалъ имъ исполненіе суровой дисциплины. Мнѣ думается, что только съ великимъ трудомъ можно догадаться, что авторъ хочетъ сказать, что многіе солдаты дезертировали изъ полковъ и потомъ вслѣдствіе указа объ амнистіи вернулись въ полки.

На 240 стр. рукописи въ оглавленіи 3-ей главы г. Чернявскій писалъ: „общій характеръ приверженности Θεодосія къ Никейству“. Въ печатномъ видѣ (стр. 159 и 2-ая оглавленія) онъ измѣнилъ такъ: „общій характеръ отношенія Θεодосія В. къ никейству“. Что это за исправленіе и какой смыслъ перваго и втораго выраженія? Затѣмъ, что такое никейство? Въдь, это православіе; нужно ли православное направленіе переименовывать въ никейство?

На 722 стр. рукописи нашъ авторъ писалъ: „Θεодосій избрѣлъ одну мѣру, повидимому, незначительную, за которую впоследствии съ радостію ухватились іезуиты и при помощи которой создали эпоху ужаснаго клерикальнаго террора. Разумѣемъ инквизицію“. Я на это замѣтилъ: Чернявскій—человѣкъ съ богатымъ воображеніемъ, но ему не мѣшало бы быть поближе знакомымъ и съ фактами и знать, что іезуитскій орденъ возникъ тогда, когда инквизиція съ ея ужасною системою пытокъ почти оканчивала свое существованіе. Теперь г. Чернявскій исправилъ такъ (стр. 502—503): „Θεодосій избрѣлъ одну мѣру, повидимому, незначительную, но за которую впоследствии съ радостію ухватилась средневѣковая ревни-

тели благочестія и при помощи которой создали эпоху религиознаго террора. Разумѣемъ инквизицію, съ именемъ чего у насъ и теперь еще соединяется представленіе о сверхчеловѣческихъ пыткахъ, которымъ набожные аббаты подвергали свои жертвы часто по одному подозрѣнію въ безбожїи“. Повидимому г. Чернявскій не знаетъ исторїи инквизиціи. Можетъ быть, онъ нѣсколько знакомъ только съ ея первоначальными моментами, но не имѣетъ свѣдѣній ни о доминиканской, ни объ испанской инквизиціи. Узнавъ, что іезуитовъ нельзя связывать съ инквизиціею, онъ, не дѣлая никакихъ справокъ, поставилъ вмѣсто іезуитовъ: „средневѣковые ревнители благочестія“, повидимому, надѣясь, что подъ это наименованіе можно подвести кого угодно. Но это не такъ. Въ какомъ смыслѣ онъ употребляетъ это слово: въ прямомъ или проническомъ? Въ какомъ бы онъ ни употреблялъ его, скажу, что не всѣ ревнители благочестія—даже и мнимаго—ухватились за инквизицію. Затѣмъ г. Чернявскій связываетъ инквизицію съ безбожіемъ. Это не вѣрно: инквизиція явилась, какъ орудіе для борьбы съ еретиками и чародѣями, а не атеистами.

Motu proprio—независимо отъ отзывовъ рецензентовъ—г. Чернявскій повидимому совсѣмъ не исправлялъ своей рукописи.

На стр. II введенія читаемъ: „античная цивилизація вступила въ зенитъ зрѣлости, распустилась пышнымъ цвѣткомъ“. Что это за зенитъ зрѣлости?

На стр. 175 читаемъ о Римѣ, что въ немъ „государство, какъ централизованная личность въ абсолютномъ монархѣ, являлось единымъ регуляторомъ всѣхъ жизненныхъ отправленій“. Что это такое?

На стр. 415 читаемъ въ заглавіи (см. также оглавленіе з стр.): „мѣсто и общій характеръ борьбы Θεодосія Великаго съ ересями и язычествомъ“. Какое это такое мѣсто? Изъ текста мы узнаемъ, что „въ системѣ религиозной политики Θεодосія центральное мѣсто занимаетъ его борьба съ еретиками и язычниками“ (415). Едва ли кто догадается по заглавію, что слову „мѣсто“ нашъ авторъ придаетъ такое значеніе.

На стр. 429 нашъ авторъ въ примѣчанїи пишетъ: „Константинъ, какъ мудрый политикъ, долженъ былъ, въ своихъ пи-

тересахъ, стать на сторону догматическаго большинства. Послѣднее въ его глазахъ и должно было получить значеніе православія, а все противоположное ему—ереси.“ Неужели авторъ полагаетъ, что христіанская истина была принята по большинству голосовъ. Въ эпоху Константина язычниковъ было больше, чѣмъ христіанъ. Въ борьбѣ христіанъ съ ересями имѣло значеніе не количество лицъ, а личности.

На 451 стр. авторъ въ заглавіи бросаетъ какой то „краткій взглядъ на отношеніе Θεодосія къ еретикамъ“.

На стр. 569 говоря, что при паденіи молніи на императорскій дворець или общественное зданіе разрѣшались гаруспиціи, авторъ пишетъ; „въ подобномъ фактѣ разрѣшалось“.... Въ какомъ это „подобномъ фактѣ“?

На стр. 657 перечисляя дни праздниковъ, г. Чернявскій пишетъ „дни воскресные (dies solis) 41 день, исключая три дня Пасхи и 8 дней осеннихъ и лѣтнихъ“. На самомъ дѣлѣ Пасха заключаетъ въ себѣ не 3, а одно воскресенье, но пасхальные праздники заключаютъ въ себѣ 7 дней до пасхальнаго воскресенья и 7 дней послѣ него. Г. Чернявскій въ сущности объясняетъ это на той же 657 стр. въ 6-мъ примѣчаніи, но только у него по точному смыслу его получается, 1) что Пасха имѣла одинъ день (6-ое примѣчаніе) и 2) что Пасха заключала въ себѣ три воскресныхъ дня (текстъ). Едва ли эти два положенія совмѣстимы.

Не мало еще можно найти странныхъ выраженій въ обширной книгѣ нашего автора. Причина этого заключается въ томъ, что не онъ владѣетъ фразою, а фраза владѣетъ имъ.

Если фраза мѣшаетъ г. Чернявскому правильно излагать даже то, что онъ правильно понимаетъ, то съ другой стороны у г. Чернявскаго есть нѣкоторые принципы, которые упрощаютъ ему толкованіе фактовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшаютъ приблизиться къ истинѣ. Онъ очень просто представляетъ, что религіозными эдиктами государей непременно руководить или фанатизмъ, или политика. Но фанатизмъ есть патологическое явленіе. Политика, управляющая религіею, антирелигіозна. Θεодосіемъ, по мнѣнію г. Чернявскаго, руководила политика. Но какъ г. Чернявскій не усмотрѣлъ у Θεодосія вѣры? Во всѣхъ эдиктахъ, во всѣхъ опредѣленіяхъ Θεодосія чувствуется вѣра въ истинность православія. Конечно, Θεодосій былъ человѣкомъ, поступалъ и во-

преки требованіямъ вѣры, поддавался влеченію самолюбія и страстей, но онъ всегда оставался вѣрующимъ сыномъ церкви.

Г. Чернявскій видитъ въ византійскихъ императорахъ цезаре-папистовъ. Принадлежа къ тому многочисленному классу историковъ, которые умѣютъ читать документы только чужими глазами, во всѣхъ эдиктахъ Θεодосія онъ видитъ только цезаре-папистскія вождедѣнія. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приводитъ документы глубоко интересные и говорящіе совсѣмъ о другомъ. Вотъ отрывокъ изъ приводимаго имъ одного эдикта Θεодосія: „Желаемъ, гласитъ эдиктъ, чтобы всѣ народы, которыми управляетъ *temperamentum clementiae post-gae*, содержали ту религію, о какой извѣстно, что ее предалъ римлянамъ св. апостоль Петръ, какъ она пребываетъ до настоящаго дня, а также о которой извѣстно, что ей слѣдовали епископы Дамасъ и Петръ Александрійскій, мужи апостольской святости, т. е. чтобы мы всѣ, согласно апостольскому преданію и евангельскому ученію, вѣровали во единое божество Отца и Сына и Св. Духа, при равномъ величіи въ благочестивой Троицѣ. § 1. Послѣдователямъ этого ученія мы повелѣваемъ именоваться православными христіанами, остальныхъ же дерзкихъ и безчувствующихъ присуждаемъ нести безславіе (*infamiam*) еретическаго ученія, собраніямъ же ихъ не приписывать имени церкви. Кромѣ приговора божественнаго правосудія, они должны будутъ понести строгія наказанія, какимъ заблагоразсудитъ подвергнуть ихъ наша власть, руководимая небесною мудростью“.

Я не историкъ, но я думаю, что весьма интересно было бы узнать, кто авторъ этого документа? Не Θεодосій, конечно, и не его правительство. Этотъ документъ продиктованъ Θεодосію изъ Рима, Апостоль Петръ возвѣстилъ истину Риму, Римъ хранитъ ее, папа Дамасъ оказывается первымъ хранителемъ религіозной истины во вселенной. Отъ г. Чернявскаго ускользаетъ все это содержаніе документа, его римско-католическія тенденціи, онъ ихъ игнорируетъ; во второй части эдикта, которою императоръ, конечно, оттолкнулъ отъ себя много своихъ подданныхъ, онъ, судя по смыслу всей его книги, склоненъ видѣть политику. Здѣсь мы можемъ видѣть, какъ г. Чернявскій, водимый своимъ богатымъ воображеніемъ и увлекаемый фразою, не видитъ того, что есть, и видитъ то, что не существуетъ.

У г. Чернявскаго много враговъ. Ему вредить его любовь къ фразѣ, его сбиваютъ съ правильнаго пути шаблоны, установленные нѣкоторыми историками и принимаемые уже на вѣру и въ кредитъ историками второго ранга. Но за всѣмъ тѣмъ г. Чернявскій остается историкомъ православнымъ и историкомъ интереснымъ. Его книга представляетъ собою полезный вкладъ въ нашу церковно-историческую науку.

Труда на свою книгу онъ положилъ очень много. Избранный имъ дѣятель представляетъ собою очень крупную фигуру, съ которой связано многое въ исторіи церкви. Чтобы разобраться въ дѣятельности Θεодосія, г. Чернявскому пришлось изучить очень многое. Онъ старался добросовѣстно изучить все нужное и написалъ обширное изслѣдованіе (VIII+692+4 стр. почти при 2000 буквъ на страницѣ).

Поэтому, не смотря на многочисленные недостатки его труда и не смотря на то, что при печатаніи онъ не особенно много позаботился объ исправленіи этихъ недостатковъ, я нахожу справедливымъ присудить ему степень магистра богословія.“

Ординарный профессор С. Глаголевъ.

О Т З Ы В Ы

О СОЧИНЕНИИ ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, МАГИСТРА БОГОСЛОВІЯ, *Александра Покровскаго* ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ: „СОБОРЫ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ ЭПОХИ ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ ВѢКОВЪ. ИСТОРИКО-КАНОНИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ. СЪ ТРЕМЯ ПРИЛОЖЕНІЯМИ И ДВУМЯ КАРТАМИ“. СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ, 1915 г., ПРЕДСТАВЛЕННОМЪ НА СОИСКАНИЕ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ЦЕРКОВНАГО ПРАВА.

а) ДОЦЕНТА АКАДЕМИИ ПО КАФЕДРѢ ЦЕРКОВНОЙ АРХЕОЛОГИИ, ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРИЕЙ ХРИСТИАНСКАГО ИСКУССТВА, Н. Д. ПРОТАСОВА:

„Подлежащая обзору книга успѣла обратить на себя вниманіе нѣкоторыхъ специалистовъ темы, напр. профф. Верховскаго, Красножена, Бенешевича, Мышцына, Харламповича, отмѣтившихъ ея достоинства и недостатки. Это упрощаетъ задачу рецензента, позволяя не повторять многое изъ высказаннаго уже въ печати.

Въ церковно-исторической дисциплинѣ не только нашей, но и болѣе богатой западной до настоящаго времени былъ пробѣлъ: мы не имѣли готовыхъ изслѣдованій по исторіи церковныхъ соборовъ первыхъ трехъ вѣковъ. Это обстоятельство, какъ показываетъ г. Покровскій (стр. XVII сл.), обусловило въ значительной степени ту полную разрозненность, несогласованность, а иногда—даже противорѣчивость взглядовъ равноавторитетныхъ специалистовъ, которые высказывались на засѣданіяхъ Предсоборнаго Присутствія 1905—1906 г. г. по вопросамъ соборной практики первыхъ трехъ

вѣковъ. Такимъ образомъ, работа г. Покровскаго заполняетъ несомнѣнный пробѣлъ и имѣетъ не только научную важность, но и жизненный интересъ. Дѣйствительно, въ своей большой (XX+720) диссертациі онъ обследовалъ болѣе тридцати соборовъ той эпохи, извѣстныхъ доселѣ почти лишь по имени (напр., Іеранпольскій, Агриппина, Иконійскій, Синаадскій, Бострійскій, Аравійскій и др.).

Задачей своей работы авторъ ставилъ—раскрыть эволюцію церковно-соборнаго института на фонѣ его послѣдовательной исторіи за періодъ I—III вв. (ср. стр. XV, XVII—XVIII, 256 сл.). Этимъ, естественно, опредѣлялся двоякій характеръ работы: 1) церковно-историческій и 2) историко-каноническій. Какъ показываетъ заглавіе анализируемаго труда („Историко-каноническое изслѣдованіе“) г. Покровскій особенное вниманіе хотѣлъ удѣлить этой послѣдней сторонѣ своей темы, чтобы показать, что самая структура „вселенскихъ соборовъ“ была опредѣлена въ значительной мѣрѣ соборной практикой предшествующей эпохи (стр. XV). Однако, нужно сказать, что это осталось для г. Покровскаго въ области стремленій. Вездѣ онъ выступаетъ, какъ историкъ: здѣсь главный недостатокъ его диссертациі. Это подчеркивается какъ планомъ всей работы, такъ и характеромъ каждой отдѣльной главы, гдѣ конструируется тотъ или другой соборъ. Читатель не имѣетъ въ книгѣ синтезирующаго все отдѣла, изъ котораго была-бы видна та эволюція соборнаго института, которую авторъ ставилъ своей цѣлью.

Вотъ примѣрная схема трактаціи г. Покровскаго объ Іеранпольскомъ соборѣ. 15 страницъ (111—126) онъ посвящаетъ критическому обзору источниковъ свѣдѣній объ этомъ соборѣ и только на семи страницахъ (127—134) говоритъ о составѣ собора и его заключительномъ постановленіи; собственно-же процессуальной сторонѣ отведена только одна страница (132—133). Почему остановилъ свое вниманіе г. Покровскій, какъ канонистъ, на этомъ соборѣ, онъ не поясняетъ. Примѣровъ такого *отхода* отъ прямой задачи въ анализируемой книгѣ много. Авторъ почти всюду тонетъ въ массѣ историческихъ экскурсовъ, беретъ за рѣшеніе вопросовъ, имѣющихъ лишь отдаленное отношеніе къ его предмету и задачамъ. Все это мало улучшаетъ дѣло, потому-что при всемъ томъ на долю собственно процессуальной стороны того

или другого собора не остается ничего, кроме кратких, почти случайных замѣчаній въ самомъ анализируемомъ историческомъ матеріалѣ. Между тѣмъ, эти-то крупныя, согласно намѣренію автора, должны были быть выдѣлены изъ прочаго историческаго матеріала, освѣщены и проанализированы въ качествѣ опредѣленнаго звена эволюціи соборнаго института. Читателю приходится самому разбираться въ томъ громадномъ историческомъ матеріалѣ, который привлекаетъ г. Покровский, разсматривать его съ точки зрѣнія собственно канонической, что-бы сдѣлать тотъ или другой выводъ относительно мѣста извѣстнаго собора въ общей эволюціи. Такъ, напр., понятна вся важность вопроса о періодической регулярности соборовъ въ исторіи христіанской Церкви. Когда она становится фактомъ? Была-ли она въ первые два вѣка—авторъ не показываетъ и даже не обращается къ этому вопросу въ первой трети своей книги. Только на стр. 256 (ср. стр. 258) онъ говоритъ, что съ первой половины III вѣка соборный институтъ принимаетъ періодически-регулярную форму. Однако, читатель горько разочаруется, если будетъ ждать отъ г. Покровскаго раскрытія этого замѣчанія. Во всей IV главѣ, посвященной соборамъ первой половины III вѣка, *нѣтъ ни слова объ этой регулярности соборовъ* (ср. стр. 255—348). И вопросъ о фізіономіи соборовъ этой эпохи остается, повидимому, безъ исчерпывающаго отвѣта, если не считать краткихъ замѣчаній автора на стрр. 255—260 о чертахъ переходнаго момента въ соборахъ той эпохи.

Въ томъ же положеніи оказывается и вопросъ о характерѣ участія пресвитеровъ и мірянъ на соборахъ I—III вѣковъ, вслѣдствіе той-же *невыдержанности* авторомъ темы. Для рѣшенія всякаго вопроса о структурѣ соборнаго института анализируемой авторомъ эпохи читателю приходится прибѣгать къ предметному указателю въ концѣ книги и *самому* дѣлать выводъ. Но иногда и это бываетъ невозможно. Напр., для рецензента совершенно непонятно, на какихъ основаніяхъ г. Покровскій утверждаетъ, будто формула Апостольскаго собора „изволися св. Духу и намъ“ (Дн. XV, 28) была принята на послѣдующихъ соборахъ (стр. 15)? Доказательствъ этого въ его книгѣ нѣтъ.

Конечно, этотъ серьезный, хотя и *формальный*, недостатокъ

книги г. Покровскаго былъ-бы легко устранимъ, если-бы, назвавъ свой трудъ „историко-каноническимъ“, онъ слѣдовалъ не естественно-историческому плану, а историко-синтетическому. Въ этомъ случаѣ, предносившаяся его взору общая *схема собора* сама собою осложнялась-бы подробностями, давая ясное представленіе читателю, что новаго вносили тотъ или другой соборъ въ общую эволюцію института на протяженіи I—III вв.

Вмѣсто этого, авторъ даетъ исторію соборовъ въ хронологическомъ порядкѣ. Поневоля онъ долженъ былъ захватить многопредметную область и вмѣшаться въ различные спорные вопросы, рѣшеніе которыхъ онъ могъ давать только изъ вторыхъ рукъ. Поэтому-то онъ одновременно выступаетъ въ роли канониста, и въ роли церковнаго историка, и въ роли новозавѣтнаго экзегета, библиста, гражданскаго историка, лингвиста, археолога, историка колоніальнаго римскаго управленія и т. д. Разумѣется, со всѣхъ этихъ сторонъ его трудъ открытъ, болѣе или менѣе, для возраженій соответствующихъ специалистовъ. Особенно это нужно сказать о тѣхъ случаяхъ, когда г. Покровскій имѣетъ дѣло съ терминами исторической географіи и топографіи. Далѣе ссылокъ на Mommsen, Ramsay, Benson и др. онъ не идетъ. Въ томъ-же положеніи оказывается трактація и вопроса хронологіи, напр., Апостольскаго собора: простая ссылка на западные и русскіе авторитеты, съ указаніемъ методологіи рѣшенія, мало убѣдительна и цѣнна (стр. 30 сл.).

Итакъ, главный недостатокъ книги г. Покровскаго въ томъ, что ея планъ и содержаніе не отвѣчаютъ строгому смыслу самой темы.

Между частными недостатками нужно указать, прежде всего, на противорѣчія и нѣкоторую неясность въ самомъ изложеніи. Такъ, напр., въ отдѣлѣ о первомъ Александрійскомъ соборѣ (по дѣлу Оригена) 231 г. г. Покровскій пишетъ: „указаніе на такой именно частный и мѣстный характеръ перваго александрійскаго собора противъ Оригена можно находить и въ вышеприведенныхъ словахъ Фотія, именно въ его упоминаніи о „пресвитерахъ“, какъ членахъ этого собора. До сихъ поръ ни на одномъ соборѣ (за исключеніемъ, впрочемъ, Апостольскаго, гдѣ говорилось, однако, о другихъ пресвитерахъ) не упоминалось объ отдѣльномъ

представительствѣ пресвитеровъ: говорилось чаще всего объ „епископахъ“, говорилось о „вѣрныхъ“, о „братьяхъ“—но о пресвитерахъ пока нигдѣ не было ни слова. И это—на нашъ взглядъ—не простая случайность, а показательная черта различія въ самомъ типѣ соборовъ. „.....на ряду съ такими большими соборами, объединявшими епископовъ цѣлой провинціи, иногда даже не одной, а нѣсколькихъ сосѣднихъ провинцій, продолжали существовать и тѣ раннѣйшіе, частные соборики, на которомъ объединилась in concreto одна только мѣстная церковь, во главѣ съ своимъ епископомъ. Понятно, что на такихъ соборахъ должно было особенно выдѣляться участіе пресвитеровъ, какъ главныхъ совѣтниковъ и помощниковъ епископа и одновременно, какъ свободныхъ представителей всей мѣстной церковной общины“ (стр. 302—303). Итакъ, первый Александрійскій соборъ 231 г. Покровскій называетъ „мѣстнымъ“ на основаніи свидѣтельства древняго документа, цитуемаго Фотіемъ, объ участіи на немъ пресвитеровъ. Однако, чрезъ страницу г. Покровскій, очевидно, отказывается отъ этого: „.....Александрійскій соборъ былъ все-же не совсѣмъ зауряднымъ, (въ противномъ случаѣ, онъ врядъ-ли и попалъ-бы въ исторію); а, какъ мы это уже выясняли, отчасти и выдающимся, и по личности подсудимаго (Оригена) и по характеру самой его вины (рукоположеніе въ чужой церкви и отъ чужого епископа, безъ вѣдома своего). Такая незаурядность даннаго собора отразилась, повидимому, и на самомъ его *составѣ*. На соборѣ, по словамъ Фотія, присутствовали „епископы“ и „нѣкоторые пресвитеры“. Мы думаемъ, что здѣсь въ текстѣ Фотія вкралась безсознательная ошибка: соборное представительство онъ трактуетъ подъ угломъ не малаго, мѣстнаго, а большого, общаго собора, гдѣ ядро собора, дѣйствительно, составляли епископы, и къ нимъ лишь случайно придавались „нѣкоторые пресвитеры“. На первомъ-же Александрійскомъ соборѣ, судя по всему, надо предполагать—присутствовали всѣ мѣстные александрійскіе пресвитеры и къ нимъ были приданы „нѣкоторые сосѣдніе епископы“. Вотъ въ этомъ-то добавленіи мѣстнаго собора епископами сосѣднихъ церквей мы и видимъ главную черту уклоненія его отъ общаго мѣстно-соборнаго типа“ (стр. 305). Двѣ частности въ этой второй выдержкѣ обращаютъ вни-

маніе. 1) по утверждению г. Покровскаго, большіе общіе соборы состояли изъ епископовъ области, которые засѣдали вмѣстѣ съ нѣкоторыми пресвитерами. Ясно, конечно, что для структуры того или другого собора это добавленіе „нѣкоторые“ не имѣетъ никакого значенія. Важенъ самъ по себѣ фактъ присутствія на соборѣ пресвитеровъ. Итакъ, большіе соборы состоятъ изъ епископовъ и пресвитеровъ. Но, въ такомъ случаѣ, чѣмъ-же по существу отличались они отъ мѣстныхъ, на которыхъ также бывали епископы съ пресвитерами, по заявленію г. Покровскаго (стр. 303)? Эту неопредѣленность нужно было устранить болѣе тщательнымъ опредѣленіемъ состава немѣстнаго собора, указать, что если и бывалъ на немъ пресвитеръ, то онъ игралъ опредѣленную роль, не такую, какъ на соборахъ мѣстныхъ. 2) г. Покровскій безъ всякихъ основаній, только по принципу *videatur esse veritas*, корректируетъ текстъ Фотія, какъ-бы не замѣчая, что получается безмыслица: на Александрійскомъ соборѣ, согласно его корректурѣ, присутствовали *все александрійскіе пресвитеры, и къ нимъ были приданы нѣкоторые сосѣдніе епископы* (стр. 305). Не говоря уже о томъ, что, въ такомъ составѣ, этотъ соборъ былъ-бы только самочиннымъ сборищемъ, такъ—какъ не возглавлялся *мѣстнымъ епископомъ*, слишкомъ много чести было-бы для александрійскихъ пресвитеровъ, если-бы къ нимъ присоединились сосѣдніе епископы! Но открываемъ слѣдующую страницу и читаемъ: „.....еп. Димитрій.....пригласилъ.....нѣкоторыхъ сосѣднихъ епископовъ, благодаря чему мѣстный соборъ александрійской церкви получилъ усиленный составъ и болѣе авторитетный характеръ“ (стр. 307). Изъ всего этого матеріала очень трудно уяснить себѣ, къ какому же типу нужно относить Александрійскій соборъ? На протяженіи шести страницъ г. Покровскій называетъ его и мѣстнымъ, и немѣстнымъ; то онъ состоитъ изъ однихъ пресвитеровъ съ епископами сосѣднихъ провинціальныхъ городовъ, то—изъ мѣстнаго клира во главѣ съ епископомъ Димитріемъ и окружными епископами, что придавало ему видъ большого собора. Очевидно, самъ г. Покровскій не уяснилъ опредѣленно, къ какому типу отнести его.

Какъ было выше подчеркнута, авторъ пытается корректировать текстъ Фотія. По нашему мнѣнію, онъ дѣлаетъ это

совершенно напрасно. У Фотія мы читаемъ опредѣленно: „synodus insuper episcoporum caacta et presbyterorum quorundam“ (*Photii Codex* 118—у Mansi SCNEAC, t. 1. p. 753). Т. е. на Александрійскомъ соборѣ присутствовали епископы, которыми были приглашены и нѣкоторые пресвитеры. Документъ не говоритъ, откуда были эти послѣдніе, но можно догадываться, что разумѣются александрійскіе пресвитеры, вызванные въ качествѣ знакомыхъ съ дѣятельностью Оригена для дачи показаній о характерѣ послѣдней. А такой *составъ* говоритъ, что предъ нами соборъ не мѣстный, а большой, провинціальный, какъ называетъ подобные соборы и самъ г. Покровскій, на стр. 305. Слѣдовательно, и безъ корректуры г. Покровскаго текстъ Фотія опредѣленно констатируетъ присутствіе на Александрійскомъ соборѣ 231 г. мѣстнаго пресвитерата во главѣ съ еп. Димитріемъ и епископами сосѣднихъ епархій, т. е. то, что желательно г. Покровскому. Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ-же было г. Покровскому доказывать, что предъ нами соборъ мѣстный (стр. 302)? Противорѣчіе здѣсь очевидно само собою.

Не менѣе противорѣчива оцѣнка г. Покровскимъ постановленія Іерусалимскаго Апостольскаго собора. Такъ, на стр. 84 авторъ признаетъ общее родство этого постановленія съ „такъ называемыми „новыми заповѣдями“, соблюденіе которыхъ законъ Моисеевъ считалъ обязательнымъ для „пришельцевъ“, извѣстныхъ позднѣе подъ именемъ „прозелитовъ вратъ“. То же самое повторяетъ онъ на стр. 94: „въ постановленіи іерусалимскаго собора звучитъ, какъ мы видѣли, довольно сильно выраженная іудайстическая тенденція“. И дѣйствительно, апостольскій декретъ принимаетъ, кромѣ обрѣзанія, почти весь ветхозавѣтный законъ, въ немъ нѣтъ ничего специфически-христіанскаго. И однако, самъ-же г. Покровскій на стр. 87 заявляетъ: „постановленіе іерусалимскаго собора съ его почти полной отмѣной Моисеева закона“ и т. д. Противорѣчіе очевидное.

Подобнымъ противорѣчіемъ отмѣчена рѣчь автора о пресвитерахъ на соборахъ. На стр. 303 г. Покровскій заявляетъ: „до сихъ поръ (рѣчь идетъ о первомъ Александрійскомъ соборѣ 231 г.) ни на одномъ соборѣ (за исключеніемъ Апостольскаго...) не упоминалось объ отдѣльномъ представительствѣ пресвитеровъ“. Но тогда зачѣмъ-же г. Покров-

скій въ отдѣлѣ о пасхальныхъ соборахъ въ Италіи, Палестинѣ, Понтѣ, Галліи, Месопотаміи и Ахаіи (конца II вѣка) настаиваетъ на участіи въ нихъ и пресвитеровъ, соглашаясь съ Зомомъ: „наименованіе соборовъ „епископскими“ нисколько не исключало и того, чтобы на нихъ присутствовали пресвитеры, діаконы и даже міряне“ (стр. 215)? Далѣе. Въ отдѣлѣ о соборѣ въ Иконіи (235 г.) находимъ примѣчаніе, въ которомъ г. Покровскийъ принимаетъ мнѣніе о присутствіи на иконійскомъ соборѣ и пресвитеровъ: „косвеннымъ подтвержденіемъ его (высказаннаго мнѣнія) служить, во первыхъ, то, что самый фрагментъ, изъ котораго взято это выраженіе, извлеченъ изъ письма епископа Діонисія къ *пресвитеру*—именно къ римскому пресвитеру Филимону. Коль скоро, говорятъ, тогдашніе епископы не чуждались вступать съ посторонними пресвитерами въ письменныя сношенія, то ничто, повидимому, не мѣшало имъ входить и въ личныя отношенія съ ними, и именно на церковныхъ соборахъ. Во вторыхъ, находятъ довольно показательной въ томъ-же самомъ фрагментѣ одну фразу, стоящую въ самомъ его началѣ, гдѣ какой-то анонимный пресвитеръ опредѣленно обозначенъ тѣмъ-же терминомъ „братъ“ (*καὶ δῆτινος ἀδελφοῦ τῶν πρεσβυτέρων*)“ стр. 276, 2).

Вообще нужно сказать, что въ диссертациі г. Покровскаго роль пресвитеровъ на соборахъ разбираемой эпохи не выяснена вполне опредѣленно. Это, опять повторяю, найдется въ прямой зависимости отъ главнаго недостатка изложенія — историческаго плана матеріала. Впрочемъ понятно, что авторъ, при такой постановкѣ, высказываетъ необоснованныя ничѣмъ *предшествующимъ* (историческій планъ) заключенія. Такъ, напр., въ рѣчи о первомъ Александрійскомъ соборѣ противъ Оригена (231 г.) г. Покровскийъ объясняетъ участіе пресвитеровъ въ соборныхъ засѣданіяхъ и указываетъ, что вообще „это участіе было ограничено предѣлами только той церкви, гдѣ соборъ происходилъ, или, въ рѣдкихъ случаяхъ, оно опредѣлялось вызовомъ самаго собора (привлеченіе на соборы ученыхъ пресвитеровъ, діаконівъ и даже мірянъ, въ качествѣ какъ-бы своего рода экспертовъ)“ (стр. 303). Доказательствъ или раскрытія этой важной мысли въ данномъ случаѣ мы не находимъ. Конечно, если-бы авторъ вѣль рѣчь объ эпохѣ вселенскихъ соборовъ, пожалуй—

эти послѣднія были-бы излишни; но въ книгѣ о впервые, можно сказать, выдвинутыхъ въ научное обращеніе соборахъ эти доказательства высказанной мысли необходимы. Данное утвержденіе, высказанное г. Покровскимъ въ отдѣлѣ о соборѣ 231 г., естественно, должно опираться на исторію предшествовавшихъ соборовъ. Однако, объ этой роли пресвитеровъ авторъ не только не говорилъ на страницахъ до этой 303, но, даже, шестью строками выше, на ней онъ же самъ заявляетъ: „до сихъ поръ ни на одномъ соборѣ.....о пресвитерахъ нигдѣ пока не было ни слова“! Итакъ, на что-же опирается г. Покровскій, говоря о роли пресвитеровъ, хотя-бы какъ экспертовъ, на соборахъ предшествовавшихъ 231 г.? Ясно, что на собственное изложеніе онъ опереться не можетъ, за отсутствіемъ подлежащаго матеріала—съ одной стороны, и прямымъ заявленіемъ, что пресвитеры не участвовали въ соборныхъ обсужденіяхъ—съ другой. Слѣдовательно, его утвержденіе брошено въ пространство.

Въ анализируемой книгѣ г. Покровскаго бросается въ глаза, что авторъ всюду старался имѣть дѣло съ оригинальными источниками. Къ сожалѣнію, встрѣчаются нарушенія этого. Такъ, напр., для иллюстраціи монтанистическаго ученія объ откровеніи св. Духа въ Монтанѣ проф. Волозовымъ авторъ беретъ выдержку изъ „Pseudotertullianus“ у Гарнака (Dogmengeschichte 4, 1, 430 п. 2) — стр. 148, пр. 1. Не говоря уже о томъ, что всякое пользованіе литературнымъ матеріаломъ изъ вторыхъ рукъ унижаетъ формальную цѣнность серьезнаго труда, обращаетъ вниманіе эта выдержка и своимъ источникомъ („Pseudotertullianus“). Какъ видно, г. Покровскій работалъ по твореніямъ Тертулліана, въ изданіи Migne; слѣдовательно, онъ знакомъ съ расположеніемъ матеріала въ послѣднемъ. И, поэтому, совершенно непонятно, зачѣмъ онъ беретъ цитату у Гарнака? Какъ видно, „Псевдо-тертулліаномъ“ Гарнакъ называетъ у Migne'я главы трактата „De praescriptionibus“ съ 8-й строки 45 главы и далѣе: самъ издатель Тертулліана дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ такое примѣчаніе: „sequentia non leguntur in vetustissimo codice Agabardi“ (9 стр. XLV' гл.; ср. и прим. 26 на col. 74 [Migne, ser. lat, t. II]). Очевидно, г. Покровскій не нашелъ нужной цитаты у Тертулліана и довѣрился Гарнаку. Это доказывается и тѣмъ, что выдержка указанная приведена совершенно не-

правильно. Г. Покровскій переписываетъ изъ Гарнака: „in apostolis quidem dicunt spiritum sanctum fuisse, paraclatum non fuisse, et paraclatum plura in Montano dixisse, quam Christum in evangelio protulisse“: въ оригинальномъ-же текстѣ читается: „in apostolis quidem *dicant* spiritum sanctum fuisse, Paraclatum non fuisse: et *qua dicent* ¹⁾ Paraclatum plura in Montano dixisse, quam Christum in Evangelio protulisse, nec tantum plura, sed etiam meliora atque majora“ ect. (Migne, ser. lat. t. II, col. 91).

Встрѣчаются по мѣстамъ неудачные переводы. Авторъ даетъ переводъ извѣстныхъ „Sententiae episcoporum“ большого Карфагенскаго собора осен. 256 г.; конецъ этого памятника гласить, по переводу г. Покровскаго: „... еретики ... должны быть крещаемы ..., чтобы они могли стать изъ грѣшниковъ — друзьями, изъ антихристовъ — христианами“ (стр. 734). Между тѣмъ, подлинникъ имѣетъ: „ut possint fieri de adversariis amici, de antichristis—christiani“ (*Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum*, vol. III, pars 1. Издан. Hartel'я—Thasci Caecili Cypriani *opera*, p. 461, 87); слѣдовательно, о „грѣшникахъ“ тамъ нѣтъ ни слова; Киприанъ говоритъ объ еретикахъ, какъ о „противникахъ“ Христа, и употребляетъ для этого слово „adversarii“. Правильный переводъ, такимъ образомъ, даннаго мѣста будетъ: „чтобы они могли сдѣлаться изъ враговъ (противниковъ)—друзьями, изъ антихристовъ—христианами“. Здѣсь умѣстно указать, что г. Вл. Троицкій (архим. Иларіонъ) такъ именно и переводилъ указанные слова Киприана (см. его „Очерки изъ исторіи догмата о Церкви“, 1912, стр. 459).

Въ анализируемой книгѣ г. Покровскаго встрѣчаются примѣры нѣсколько неувѣренной цитации нѣкоторыхъ пособій. Такъ, напр., имѣется ссылка на изслѣдованіе Ewg. Preusschen—„Tertullians Schrifften „de poenitentia“ и „de pudicitia“ mit Rücksicht auf die Bussdisciplin untersucht“, Giessen, 1890 (у г. Покровскаго—стр. 148, пр. 3); на стр. 376, пр. 2 видимъ также ссылку на это-же изслѣдованіе, но съ указаніемъ и 2-е Auflage 1910. Итакъ, изслѣдованіе Ewg. Preusschen'a издано было, согласно цитации г. Покровскаго, въ Giessen'ѣ въ 1890 и 1910 г.г. Рецензентъ не имѣлъ возможности видѣть этого изслѣдованія, но онъ удивляется, почему въ *первую* *пособій* г. Покровскій цитуетъ его иначе, чѣмъ въ

¹⁾ Курсивъ нашъ.

указанныхъ мѣстахъ текста: Tertullian. De paenitentia. De pudicitia“. Freiburg in Bresgau, 1891 г. и 2-е Aufl. Tübingen, 1910 (стр. XII)? Невольно является вопросъ, имѣль-ли г. Покровский, при работѣ, это изслѣдованіе Прейшена, и нѣтъ-ли здѣсь нѣкотораго смѣшенія?

Въ общемъ книга г. Покровскаго написана хорошимъ, выработаннымъ языкомъ. Одно жаль, что авторъ во многихъ случаяхъ злоупотребляетъ совсѣмъ безъ нужды иностранными словами, которыя лишь портятъ общее изложеніе. Вотъ немногіе примѣры такого варваризма.

„..... фактъ антиохійской распри двухъ первоверховныхъ апостоловъ теряетъ свое одіозное значеніе и низводится до степени индивидуально-тактического различія“ (стр. 28); „.....религіозное чувствоіудео-христіанъ требовалореванша“ (стр. 42); „.....указаніе св. Писанія на синергизмъ св. Духа съ активной работой членовъ собора“ (стр. 87); „..... эта рецепція *implicite* мыслилась уже въ вотумѣ народныхъ представителей на соборѣ—іерусалимскихъ старцевъ, а не выразилась еще и *explicite* въ послѣ-соборной „гласъ народа“ (стр. 89); „Начало третьяго вѣка и былоинкубаціоннымъ періодомъ“ (стр. 258); „.....Киприанъ пошелъ на всякія поблажки и уступки, въ числѣ которыхъ едва-ли не главной было обѣщаніе устроить такой соборъ, на которомъ получили-быучастіепротивъ него будирующіе элементы: пресвитеры, діаконы“ (стр. 465); „..... рецепирующій обще-церковный голосъ“ (стр. 499); „.....этопротоколъ не всего собора, а только верхней и главной его палаты—епископской сессіи“ (стр. 637); „.....работа провинціального собора проходила еще два послѣдовательныхъ этапа: именно — моментъ рецепціи опредѣленій епископскаго сонма въ пленарномъ собраніи мѣстнотерковной общины метрополя“ (стр. 638). Встрѣчаются также неправильныя выраженія, какъ, напр.,— „..... Синаада былъ, мѣстопробываніемъ римскаго официалаго чиновника, наблюдавшаго за добычей здѣсь богатыхъ мраморныхъ залежей“ (стр. 279).

Здѣсь-же умѣстно отмѣтить обиліе буквальныхъ выдержекъ изъ пособій на иностранныхъ языкахъ, оставленныхъ авторомъ безъ перевода. См. напр., страницы 18, 55, 104, 197, 202, 206, 213, 226, 238, 263 и мн. др.

Перехожу къ обзору положительныхъ достоинствъ диссертациі г. Покровскаго, частью уже указанныхъ многими рецензентами въ научной и публицистической литературѣ различныхъ направленій.

Выше было указано, что многіе недостатки книги г. Покровскаго зависятъ отъ несоотвѣтствія плана и метода работы настоящему заглавію. Но если стать на точку зрѣнія автора, которая высказана имъ не въ титулѣ диссертациі („Историко-каноническое изслѣдованіе“), а въ содержаніи всей книги, т. е. на позицію церковно-историческую, то достоинства послѣдней будутъ очевидны.

Рецензентъ уже говорилъ о научной важности и практическомъ интересѣ самой темы, взятой г. Покровскимъ для обслѣдованія, въ которомъ на первый планъ выступаютъ широта захвата и относительная новизна разработки. Въ трудѣ г. Покровскаго обслѣдовано свыше 30 соборовъ I—III вв., большинство которыхъ было извѣстно только по имени. Такимъ образомъ, диссертациія заполняетъ пробѣлъ въ научной литературѣ, которая не только у насъ, но и на западѣ еще не имѣла готовыхъ обслѣдованій предмета темы г. Покровскаго. Самая обработка предмета темы ведется вполне научнымъ методомъ. Авторъ раздвигаетъ рамки своего изслѣдованія довольно обильнымъ церковно-историческимъ, политическимъ, этнографическимъ, археологическимъ и под. матеріаломъ, необходимымъ для полноты и правильности самаго изслѣдованія. Онъ не довольствуется изложеніемъ исторіи того или другого собора, но повсюду выясняетъ его историческую перспективу, атмосферу. Отсюда— научная широта, логичность и прагматизмъ метода г. Покровскаго. Примѣровъ этого можно привести очень много. Довольно указать на слѣдующее.

1) Въ рѣчи о своеобразіи іерусалимскаго пресвитерата авторъ даетъ большой и документально обоснованный экскурсъ о библейскомъ пресвитератѣ и проводитъ удачную параллель между іудейскимъ синадріономъ и христіанскимъ „совѣтомъ старцевъ“ (стр. 62—73).

2) Характеризуя территориальный объемъ Эфесскаго собора четырнадцатиниковъ епископа Поликрата, авторъ приводитъ параллельную характеристику римско-провинціального *κοινόν Ἐπίσκ.* Это даетъ ему возможность установить,

что на „этомъ великомъ Эфесскомъ соборѣ объединились церковные представители всѣхъ четырехъ составныхъ частей проконсульской Азіи—т. е. Лидіи, Мизіи, Фригіи и Каріи“ (стр. 233—239). Отсюда само собою становится очевиднымъ, насколько силенъ былъ протестъ противъ римской практики празднованія Пасхи въ Азіи. Вообще, нужно сказать, что такія сопоставленія и параллели даются авторомъ во многихъ мѣстахъ изслѣдованія, что даетъ возможность читателю видѣть самый характеръ и особенности внѣшней обстановки того или другого собора. Но особенно это нужно сказать про тѣ примѣры *прагматизма*, которые показываютъ систематическое стремленіе г. Покровскаго ввести читателя въ самую суть того или другого вопроса, показать связь съ прошлымъ и влияніе на будущее. Такъ, напр., очень ясно и логично показана имъ связь монтанистическихъ и пасхальныхъ споровъ. Авторъ аналитическимъ путемъ приходитъ къ выводу, что монтанисты пытались внести измѣненіе въ малоазійскую (четыренадцатническую) практику; они также были четырнадцатники, но на совершенно иной почвѣ, не іудейскаго, луннаго, счисленія, а солнечнаго, римско-египетскаго календаря. Отсюда, становится понятнымъ, почему, напр., полемика съ монтанизмомъ граничила съ защитой малоазійской пасхальной практики. Это, въ свою очередь, объясняетъ причины раскола между самими четырнадцатниками на востокъ по вопросу о пасхѣ (стр. 194—203).

Не менѣе цѣнна также попытка автора выяснить связь церковно-дисциплинарныхъ споровъ съ ересеологическими движеніями. Прежде всего это нужно сказать о всей эпохѣ соборовъ при Кирианѣ. Авторъ не прямо приступаетъ къ изложенію этихъ соборовъ, но предварительно даетъ анализъ событій и фактовъ, подготовившихъ эти послѣдніе. Имѣя въ виду прагматическую обработку, онъ дѣлитъ соборы на двѣ группы: соборы „о падшихъ“ и соборы „о крещеніи еретиковъ“ и каждую изъ этихъ группъ предваряетъ обширными отдѣлами, гдѣ тщательно анализируетъ подлежащій документальный матеріалъ и выясняетъ, такимъ образомъ, самую подпочву будущихъ соборныхъ рѣшеній. Въ отдѣлѣ „о падшихъ“ въ Карфагенской церкви авторъ удѣляетъ вниманіе вопросу о влияніи личной дѣятельности

Кипріяна на развитіе спора о падшихъ, рисуеть картину обращенія падшихъ къ исповѣдникамъ за „граматой мира“ и заканчиваетъ этотъ отдѣлъ указаніемъ на положеніе дѣль въ первые мѣсяцы 250 года, когда, съ одной стороны, партія Кипріяна съ большинствомъ клира, а съ другой—падшіе и сочувствующіе крайне снисходительному къ нимъ отношенію изъ пресвитеровъ и вѣрующихъ ожидали рѣшенія изъ Рима (стр. 352—385). Отсюда вполне естественно переходъ къ карфагено-римской схизмѣ Новата, Фелициссима и Новаціана. Особенно интересна въ этомъ новомъ отдѣлѣ характеристика отношенія Кипріяна къ разоренному гоненіемъ Декія составу вѣрующихъ. Кипріянь стремился къ реорганизаціи экономической помощи, учредивъ особую комиссію и предложивъ ей взять *исходной точкой*, при рѣшеніи вопроса о количествѣ и направленіи помощи, степень мужественнаго исповѣдничества христіанства. Естественно, что „падшіе“ были лишены возможности получить настоящую помощь. Это и вызвало протестъ противъ Кипріяна, во главѣ котораго сталъ нѣкій діаконъ Фелициссимъ, за спиной котораго агитировалъ личный врагъ Кипріяна пресвитеръ Новать. Начался расколъ. Кипріянь принялъ мѣры противъ него, и онъ, несомнѣнно, прекратился-бы, если-бы не нашелъ себѣ поддержки въ протестѣ противъ выборовъ въ Римѣ новаго папы—Корнелія, который одушевлялся пресвитеромъ Новаціаномъ, претендентомъ на папскій престолъ (стр. 386—405). Результатомъ всего этого и былъ первый Карфагенскій соборъ 251 г.

Рецензентъ намѣренно остановился на подробномъ изложеніи двухъ отдѣловъ книги г. Покровскаго, чтобы показать, насколько тщательно вскрываетъ онъ предъ читателемъ самую подготовку собора, помогая видѣть всю естественность появленія на историческомъ горизонтѣ *соборнаго* обсужденія.

Такую-же постановку имѣеть вопросъ объ Антиохійскихъ соборахъ противъ Павла Самосатскаго. Особенно интересно, въ этомъ случаѣ, выясненіе междоусобной борьбы антиохійскихъ партій въ дѣлѣ послѣдняго. Отклонивъ гипотезу объ инициативѣ соборовъ (первыхъ двухъ) въ Антиохіи еп. кесаріе-каппадокійскаго Фирмилиана, г. Покровскій вручаетъ эту инициативу антиохійскому клиру, которымъ, очевидно,

руководилъ ант. пресвитеръ Малхіонъ. Отсюда авторъ обращается къ характеристикѣ антiохійскаго пресвитерата и находитъ, что въ немъ давно уже зрѣло недовольство міросозерцаніемъ своего епископа, которое и вылилось въ форму обращенія къ сосѣднимъ епископамъ, изъ которыхъ еп. Фирмилианъ и принялъ на себя предсѣдательство на соборахъ. Но, съ другой стороны, и партія Павла была не чужда соборнаго обсужденія, такъ-какъ питалась надеждой, что ему удастся реабилитировать себя. Особенно замѣтно это активное выступленіе антiохійскаго пресвитерата противъ своего епископа на третьемъ Антiохійскомъ соборѣ, когда упомянутый пресвитеръ Малхіонъ блестяще опровергъ оправданія Павла, показавъ ихъ еретичность (стр. 670—694). Откуда-же явилось это недовольство въ Антiохіи мѣстнымъ епископомъ? Г. Покровскій рѣшаетъ этотъ вопросъ путемъ освѣщенія современной національно-политической обстановки и симпатій правящихъ круговъ къ іудейству. Тамъ существовали двѣ сильныхъ партій: національно-сирская и эллино-римская. Павелъ принадлежалъ къ этой послѣдней, возглавлявшейся правителемъ антiохійско-пальмирскаго государства. Не менѣе сильна была другая партія, которая хотѣла, вмѣсто Павла, сдѣлать митрополитомъ Антiохіи (около 260 г.) пресвитера Малхіона, руководителя эллинскаго риторскаго училища. Отсюда и развилась борьба этихъ двухъ партій, окончившаяся созывомъ соборовъ (стр. 658 сл., 695—719).

Таковъ методъ книги г. Покровскаго. Нѣтъ нужды много говорить о его достоинствахъ: они очевидны сами собой. Благодаря этому, авторъ идетъ всюду правильнымъ путемъ, показывая, какъ соборы извѣстнаго періода были *естественными* слѣдствіями сложившихся мѣстныхъ историческихъ условій. Подобное всестороннее освѣщеніе вопроса вводитъ читателя въ самую суть дѣла, даетъ возможность видѣть причины, отъ которыхъ зависѣла та или другая подробность самаго соборнаго института извѣстнаго періода. Становится вполне понятна и самая роль собора, какъ необходимаго корректива въ сложившейся обстановкѣ, субъективный отпечатокъ его, выразившійся въ господствѣ и преобладаніи извѣстной партіи, добивавшейся опредѣленнаго рѣшенія.

Перехожу къ обращенію г. Покровскаго съ источниками и пособиями.

Авторъ совершенно самостоятельно и тщательно, по крупичкамъ, собиралъ, анализировалъ и комментировалъ источники, особенно Евсевія и Кипріяна. Евсевій приводится, большей частью, и въ русскомъ переводѣ, и въ подлинникѣ по лучшему критическому изданію Берлинской Академіи (Leipzig, 1903—1908); въ болѣе отвѣтственныхъ случаяхъ съ вариантами (напр., въ главахъ о монтанистическихъ и пасхальныхъ соборахъ: ср. стр. 100, 119, пр. 1, 121, пр. 3, 194, пр. 2, 424 и др.). Иногда г. Покровский дѣлаетъ сопоставленія и съ сирскимъ переводомъ Евсевія по изданію Nestle, напр., на стр. 222, пр. 2. Кипріяна, именно его Epistulae, онъ изучилъ очень хорошо, знаетъ его мысли, проникаетъ въ мотивы и самый духъ его переписки. Только это дало ему возможность дѣлать поправки къ русскому переводу кievскаго изданія. Особенно характерна, въ этомъ случаѣ, поправка на стр. 555, пр. 3, гдѣ, въ пунктѣ о процессѣ выборовъ епископовъ, кievское изданіе фразу изъ Ер. LXVII, 5, 739: „... de universae fraternitatis suffragio et de episcoporum“ передаетъ совершенно невѣрно: „съ согласія всего братства и по опредѣленію епископовъ“. Г. Покровскій устраняетъ эту произвольную интерполяцію и даетъ правильный переводъ: „по голосованію всего братства и епископовъ“. Ср. также стр. 674, пр. 2, гдѣ Евсевій допускаетъ очевидную гиперболу (*μυρίους*); тамъ-же прим. 3, гдѣ русское изданіе даетъ неточный переводъ: „вмѣстѣ съ епископами и діаконами“ (*ἅμα πρεσβυτέροις καὶ διακόνοις*). Поправляетъ также г. Покровскій русский переводъ Евсевія, гдѣ часто смѣшиваются имена Новата и Новаціана (стр. 401, пр. 2).

Болѣе важны поправки къ кievскому переводу св. Кипріяна и бл. Иеронима. Такъ, на стр. 309 русский кievскій переводъ Иеронима: „не говоря уже о священникахъ“, вмѣсто „исключая епископовъ“. На стр. 457—„немногихъ“, а надо—„не немногихъ“. Стр. 459, пр. 4—„stantes laici“ кievск. перев.—„въ присутствіи мірянъ“ г. Покровскій исправляетъ „вѣрные міряне“, такъ какъ „stantes“ техническій терминъ. Стр. 595, пр. 3—въ латинскомъ подлинникѣ Hartel'я опущено около двухъ строкъ, которыя авторъ восполняетъ. Сюда-же нужно отнести поправку латинскаго текста Кипріяна, по варианту—стр. 424, пр. 1.

Что касается собственно *пособій*, то г. Покровскимъ привлечено и использовано достаточно широко, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ исчерпывающей полнотой (дѣло Кипріяна и Павла Самосатскаго) все, чѣмъ располагаетъ научная литература. Особенно это нужно сказать о богатой западно-европейской литературѣ на трехъ новыхъ языкахъ. Однако, авторъ сохранилъ свою самостоятельность и независимость отъ пособій, что яснѣе всего доказывается его свободнымъ критическимъ отношеніемъ къ нимъ. Такъ, напр., г. Покровский часто полемизируетъ съ Mansi и доказываетъ его некритичность и католическую тенденцію (ср. стр. 275, пр.). Иногда остроумно уличаетъ его въ противорѣчійхъ, какъ на стр. 344, гдѣ оказывается, что Mansi сдѣлалъ председателемъ Аравійскаго собора (въ 40 г. III вѣка) *пресвитера* Оригена, хотя, согласно тексту Mansi, тамъ присутствовало четырнадцать епископовъ („...ἐπισκόπων δεκατέσσαρων“). Успѣшно развѣнчиваетъ онъ также авторитетный у католиковъ источникъ—*Libellus synodicus*, который беретъ подъ свою защиту даже такой ученый католикъ, какъ Hefele. Г. Покровский приходитъ въ результатъ своей работы съ этимъ источникомъ къ выводу, что все „что есть въ немъ подлинно историческаго—не оригинально и не ново, такъ какъ представляетъ собою свободный перифразъ Евсевія; а то, что сравнительно оригинально и ново, не подлинно и не исторично, такъ какъ составлено по извѣстному католическо-соборному шаблону, непременно требующему указать мѣсто собора, точную цифру присутствовавшихъ на немъ епископовъ (и только ихъ), назвать имя председательствующаго и подчеркнуть, насколько то возможно преобладающее значеніе римскаго епископа (ср. стр. 113—117). Основательно разоблачаетъ онъ и подлоги Turrrianus (Fr. Torrés) (ср. стр. 91—92, 681, 682), не смотря на то, что главный авторитетъ, на который онъ самъ часто опирается, А. Гарнакъ принимаетъ это изданіе за подлинный памятникъ древности (стр. 708, пр. 2).

Немало достается отъ г. Покровскаго и корифеямъ западной богословской науки—*Зому* (см. цѣлый отдѣлъ, посвященный разбору теоріи Зомы о происхожденіи древнехристіанскихъ соборовъ, стр. 469—506), *Гефеле* (стр. 185, пр. 1, 543 сл.), *Гарнаку* (стр. 10, 268, пр. 3, 320, пр., 374, пр.

1, 455, пр. 1, 538, 692, 708, пр. 2). Онъ неоднократно и успѣшно полемизируетъ съ ними.

Сочиненіе, претендующее на ученую степень доктора, помимо формальныхъ достоинствъ, должно еще имѣть и матеріальную цѣнность, т. е. давать что-нибудь новое къ суммѣ научныхъ знаній. Съ этой точки зрѣнія книга г. Покровскаго также имѣетъ значеніе. Въ качествѣ „новаго“, мы находимъ въ анализируемой диссертациі слѣдующее.

1) Оригинальное и достаточно мотивированное рѣшеніе вопроса о составѣ Іерусалимскаго Апостольскаго собора—разграниченіе двухъ категорій „пресвитеровъ“: *πρεσβύτ. τοῦ λαοῦ* и *πρεσβ. τ. ἐκκλησ.* (стр. 52—86).

2) Связь пасхальныхъ движеній съ монтанизмомъ (см. объ этомъ выше).

3) Выясненіе раскола въ средѣ „четырнадцатниковъ“ (солнечный и лунный календари) (стр. 200 сл.).

4) Новый историческій матеріалъ о малоизвѣстныхъ соборахъ первой половины третьяго вѣка (стр. 255—348).

5) Выясненіе оригинальности церковнаго строя въ Александріи (абсолютный монархическій епископатъ и развитый, самостоятельный и привилегированный пресвитератъ), обусловившей характеръ Александрійскихъ соборовъ противъ Оригена (стр. 317—324).

6) Примѣненіе кажущихся противорѣчій во взглядахъ Кипріяна на составъ и характеръ собора (стр. 465, 468, 490 сл.).

7) Специфическій характеръ термина *numerus episcoporum* (стр. 155, 462, 463, 472, 478, 497, пр. 1 и мн. др.).

8) Выясненіе основной схемы провинціального собора: *sententiae episcoporum + consensus cleri + conscientia aut receptio plebis* (стр. 446, пр., 495, 555, пр. 3, 579 и др.).

9) Болѣе отчетливое разграниченіе различныхъ типовъ соборовъ, ихъ состава, роли ихъ образующихъ элементовъ.

10) Новое освѣщеніе антиохійскихъ споровъ и дѣла (личности и жизни) Павла Самосатскаго (стр. 651—720).

Къ этому нужно отнести также анализъ *греческихъ* терминовъ: *το πλῆθος* (стр. 55, 77, 78 пр.), *συνοδος* (стр. 214 и пр., 237 и пр.), *ἐκκλησία* (стр. 10 и пр., 35 пр., 88, 489 и пр. 1), *κατωρθωματα* (стр. 513), *κοινον Ασίας* (стр. 537—538), *τηρειν* (стр. 189), *λογοι* (стр. 118 пр. 3, 710—711), *συγγραμματα* (стр. 118 пр. 3) и мн. др. и *латинскихъ*: *sacerdos* (стр. 394 пр. 3, 504 пр. 1,

527), stantes (стр. 459 пр. 4), recusare (стр. 504, пр. 1), libelli (стр. 373 пр. 1), libelli pacis (стр. 380 пр. 1) и мн. др.

Въ заключеніе положительныхъ достоинствъ диссертациі г. Покровскаго нужно указать на три приложенія, помѣщенные въ концѣ: „Переводъ Sententiae episcoporum большого Карфагенскаго собора осенью 256 г.“, „Краткій историко-топографическій анализъ кафедръ и именъ епископовъ по Sentent. episcoporum.“ и „Таблицы соборныхъ списковъ кнпріановой эпохи“. Какъ извѣстно, Sententiae episc. является памятникомъ глубокой древности и служить, можно сказать, главнымъ источникомъ для реконструкціи топографической карты христіанства сѣверной Африки половины III вѣка. До настоящаго времени этотъ памятникъ былъ извѣстенъ только въ латинской редакціи. Г. Покровскій далъ его переводъ, сдѣланный очень умѣло, съ передачей самаго духа этого интереснѣйшаго памятника; языкъ перевода вполне литературный, легкій.

Съ внѣшней стороны диссертациія г. Покровскаго не оставляетъ желать лучшаго; она снабжена подробнымъ перечнемъ источниковъ и пособій, указателями лицъ, мѣстностей и предметовъ, двумя картами географическими и пр.

Таковы главныя достоинства рецензируемой книги. Ясно, конечно, что они съ избыткомъ покрываютъ указанные выше недостатки, которые объясняются въ большей своей части условіями работы автора. Предъ нимъ былъ, въ большинствѣ, сырой матеріалъ, который необходимо было, раньше выводовъ, обработать, познакомить съ нимъ читателя; отсюда—тѣ отклоненія въ сторону отъ прямыхъ задачъ, которыхъ авторъ не могъ обойти. И нужно сказать, что онъ уклонялся умѣло, не засоряя основного изложенія, беря изъ сторонняго, повидимому, матеріала только то, что имѣло значеніе разъясняющихъ деталей. Поэтому, его изложеніе исторіи соборнаго института въ первые три вѣка лишь выиграло въ полнотѣ и научной документальности.

Здѣсь рецензентъ считаетъ нужнымъ обратиться къ началу своего отзыва.

Тамъ было указано, что г. Покровскій большее вниманіе удѣлилъ исторической сторонѣ соборнаго института I—III вѣковъ, чѣмъ собственно канонической. Причину этого рецензентъ видитъ исключительно въ условіяхъ самой работы,

которая, вслѣдствіе новизны самой темы, должна была начинаться прежде всего съ *исторической* конструкціи самаго предмета изслѣдованія. Рецензентъ считаетъ, что при настоящемъ положеніи вопроса объ анализируемыхъ соборахъ авторъ не имѣлъ права отказываться отъ *исторіи* всѣхъ этихъ соборовъ, такъ-какъ, прежде чѣмъ говорить объ ихъ каноническо-конструктивной сторонѣ, раньше должно было точно *описать* ихъ, опредѣлить составъ, хронологическія рамки, матеріальный результатъ засѣданій и пр. Эта-же сторона, въ свою очередь, требовала тщательнаго изученія подлежащаго историческаго матеріала, опредѣленія его научнаго значенія путемъ внимательной критики, при которой, по возможности, долженъ участвовать и читатель. Безъ такой необходимой подготовки г. Покровскій не могъ приступить къ выводамъ, интереснымъ въ каноническомъ отношеніи. Конечно, эта подготовка была-бы ненужна, если-бы она имѣлась въ предшествующихъ работахъ, которыя избавили-бы его отъ лишней и для него ненужной работы. Къ сожалѣнію, г. Покровскій находился въ данномъ отношеніи почти предъ *carte blanche*. Что имѣлось, было не всегда доброкачественно: достаточно указать на Манси, который сдѣлалъ предсѣдателемъ Аравійскаго собора 40-хъ годовъ III вѣка *пресвитера* Оригена, хотя согласно *тексту* Манси, тамъ было четырнадцать епископовъ. И г. Покровскій мастерски заполнилъ ее, многое исправивъ, какъ опытный историкъ-критикъ, хорошо владѣющій научнымъ методомъ.

Разумѣется, все это должно было имѣть и свою отрицательную сторону, и она сказала, дѣйствительно, въ осложненіи, утолщеніи анализируемой диссертациі историческими подробностями, которыя нѣсколько затѣнили собственно каноническую сторону изслѣдованнаго предмета.

Такъ, въ книгѣ г. Покровскаго исторія возобладала надъ каноникой, потому-что каноника безъ исторіи невозможна. И нужно сказать, что въ этомъ—вообще недостатокъ или, точнѣе, *особенность* русскихъ диссертаций по церковному праву, пользующихся извѣстностью и принадлежащихъ, напр., такимъ авторитетнымъ ученымъ, какъ профф. Гидуляновъ, Мышцынъ и др. Въ ихъ диссертацияхъ, увѣнчанныхъ официальными степенями, несмотря на темы и характеръ задачъ чисто каноническія, имѣемъ преобладаніе историче-

скаго элемента надъ собственно каноническимъ. Очевидно, каноника, какъ дисциплина производная, невозможна безъ исторіи, хотя-бы въ видѣ эпизодическихъ экскурсовъ.

Однако, нужно сказать, что процессуальная, собственно каноническая сторона темы, взятой для обследованія, г. Покровскимъ не опущена, а обследована также достаточно подробно и тщательно.

Каждый отдѣлъ, посвященный соборамъ опредѣленной эпохи, авторъ предваряетъ рядомъ замѣчаній о характерѣ и особенностяхъ ихъ, указываетъ, что новаго именно въ каноническомъ отношеніи они даютъ (ср. напр., стр. 97—111, 255—260, 351—354 и мн. др.). То-же находимъ и въ заключеніяхъ отдѣловъ, гдѣ авторъ подводитъ итоги, говоря о составѣ анализированныхъ соборовъ, ихъ процессъ и эпилогахъ (ср. напр., стр. 52—73, 75—83, 83—94, 233 сл., 269—271, 275—277, 348, 449—468, 560 сл. 634—648 и др.). Даже для неспеціалиста ясно, при чтеніи книги г. Покровскаго, что собственно исторія соборовъ имѣетъ для него вспомогательное значеніе, а главное—это соборный институтъ, его происхожденіе, ростъ и формы. Кромѣ того, нужно указать, что въ книгѣ есть и специальный, большой отдѣлъ, посвященный проблемѣ происхожденія церковныхъ соборовъ, въ которомъ дается основательная критика Зома (стр. 469—506). Все это подчеркиваетъ, по нашему мнѣнію, что каноническій элементъ не случаенъ въ диссертациі г. Покровскаго, а специально занималъ его вниманіе. Это доказываютъ соответствующія рубрики предметнаго указателя. Достаточно самымъ внѣшнимъ образомъ просмотрѣть страницы рубрики „Соборы“, чтобы убѣдиться, насколько подробно, основательно, съ подчеркиваніемъ мельчайшихъ деталей, обследована авторомъ собственно процессуальная сторона соборовъ первыхъ трехъ вѣковъ. Эта рубрика, какъ-бы схематическій конспектъ, который могъ-бы быть авторомъ развитъ въ цѣлую книгу нѣсколькихъ десятковъ листовъ. Отъ значенія и роли соборовъ въ развитіи церковной догматики и ея каноники онъ переходитъ къ исторической схемѣ происхожденія и развитія церковно-соборнаго института, говоритъ о значеніи первыхъ большихъ соборовъ для церковной жизни, отмѣчаетъ переходъ отъ чрезвычайныхъ соборовъ къ регулярнымъ. Отсюда, онъ даетъ опредѣленіе церковнаго собора,

его основного тина, указывая нѣкоторый параллелизмъ въ современномъ греко-римскомъ мірѣ (гражданско-религіозныя собранія), точно обслѣдуетъ составъ и формы соборовъ. Далѣе, вниманіе читателя останавливается на ви́шней сторонѣ церковно-соборнаго процесса, его публичномъ характерѣ и пр. Предъ читателемъ ясно вырисовывается картина соборнаго засѣданія, его начало, процессъ и заключительныя акты.

Итакъ, вся вина г. Покровскаго въ томъ, что онъ не окончилъ свою громадную книгу, не добавилъ 300—400 страницъ на обобщающій синтезъ, который, по существу, не давалъ бы ничего новаго, былъ-бы повтореніемъ пройденнаго. Конечно, это не недостатокъ, а особенность анализируемой книги.

Такъ, книга г. Покровскаго является полезнымъ вкладомъ въ церковно-историческую и особенно каноническую дисциплины отдѣла первыхъ трехъ вѣковъ.

Выше было отмѣчено, что въ книгѣ г. Покровскаго дана масса справокъ церковно-историческаго, археологическаго, социальна-этнографическаго и под. характера. Это особенность придаетъ ей новую цѣнность: она дѣлаетъ ее доступной не только кругамъ спеціалистовъ, но и пониманію неподготовленной среды, средней духовной школы, которая нуждается въ подобныхъ хорошихъ пособіяхъ при изученіи исторіи древне-христіанской Церкви. Это-же обуславливается и той строго-церковной точкой зрѣнія, на которой стоитъ авторъ.

Исходя изъ вышензложеннаго отзыва, рецензентъ считаетъ своимъ долгомъ заявить Совѣту Академіи, что онъ признаетъ пр.-доц. Московскаго Университета А. И. Покровскаго заслуживающимъ за представленный трудъ *искомой степени доктора церковнаго права*“.

б) **Ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ церковнаго права А. И. Алмазова:**

I.

„Въ книгѣ А. И. Покровскаго, при очень сжатой печати, 706 стр. самаго изслѣдованія и 88 стр.—введенія и различ-

ныхъ приложений. Едва ли нужно говорить, что такимъ объемомъ настоящая книга не можетъ не imponировать на читателя.

По научному изслѣдованію спеціальнаго вопроса, съ задачей исполнить при этомъ работу историко-каноническаго свойства, въ нашей богословской литературѣ, можно сказать, столь пространной книги доселѣ еще не появлялось. По существу же затронутого въ книгѣ вопроса, если не со стороны составляющихъ его содержаніе отдѣльныхъ историческихъ фактовъ, то по кр. мѣрѣ взятаго въ его формальномъ цѣломъ, работою А. И. Покровскаго заполняется дѣйствительно имѣющійся въ позднѣйшей отечественной духовной литературѣ пробѣлъ. Къ этому нужно добавить, что даже и въ западной литературѣ по данному вопросу не было столь обширнаго изслѣдованія. Не даромъ самъ авторъ, сопоставляя свой трудъ съ извѣстнымъ трудомъ *Hefele*—„*Conciliengeschichte*“, съ удареніемъ отмѣчаетъ, что его „изслѣдованіе ровно въ двѣнадцать разъ, по своему объему, превышаетъ размѣръ соотвѣтствующаго отдѣла у *Hefele*: то, что у него заняло мѣсто всего на протяженіи 60 страницъ (83—143), у насъ разрослось уже въ цѣлую монографію, свыше 700 страницъ“ (XX стр.).

Для выполненія своего труда А. И. Покровскій примѣнилъ весьма обширную литературу. Въ томъ неотразимо долженъ убѣждать читателя, исключительный по своей странности, предпосланный книгѣ „Литературный перечень“, который занимаетъ цѣлыхъ десять страницъ ежатой печати.—И на этихъ страницахъ указано только главное, чѣмъ располагалъ для своей цѣли авторъ.—При ея рѣдкой обширности, эта литература,—что безусловно нужно отмѣтить,—многоязычная: именно, кромѣ отечественной литературы, авторъ пользуется научными изслѣдованіями на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, та же литература отличается особенною разносторонностью,—относится ко вѣсьмъ важнѣйшимъ отраслямъ богословской науки и даже сверхъ того.

Сносясь при процессѣ своей работы съ имѣющимися уже по ея цѣли учеными изслѣдованіями и пользуясь, когда для того были основаніе и возможность, уже добытыми въ наукѣ результатами,—авторъ, однако, въ устано-

вленіи своихъ положеній и воззрѣній всегда базируется и на непосредственномъ изученіи доступныхъ ему и относящихся сюда источниковъ.—Важнѣйшіе изъ нихъ (какъ опять можно видѣть изъ того же „литературнаго перечня“) примѣнялись къ дѣлу при сравнительномъ изученіи ихъ текста по разнымъ изданіямъ, а всѣ вообще—при критическомъ отношеніи къ тому же тексту.

Предполагаемое теперь возможно обширное знакомство съ литературою изслѣдуемаго имъ предмета, въ объемѣ не только пособій, но и источниковъ,—въ отношеніи самаго выполненія труда сопровождается всестороннимъ вниманіемъ къ фактамъ, подлежащимъ и долженствующимъ подлежать обслѣдованію. Соответственно съ этимъ, А. И. Покровский неукоснительно ставитъ своею задачею сообщить и освѣтить возможно обстоятельныя данныя о всѣхъ обзорѣваемыхъ имъ соборахъ намѣченной эпохи—не только сколько-нибудь достовѣрно извѣстныхъ, но даже и косвенно предполагаемыхъ.—При этомъ въ очеркѣ о каждомъ соборѣ не обходятся молчаніемъ даже самые детальные вопросы, связанные—или съ дѣйствительною наличностью собора, или хотя бы только съ предполагаемою возможностью его составленія.

Примѣненіе въ отмѣченномъ объемѣ и съ отмѣченнымъ характеромъ литературы, только что охарактеризованное отношеніе А. И. Покровскаго къ выполненію своего труда и, наконецъ, послѣдовавшая отсюда пространность всей книги сами собой говорятъ, что завершеніе предпринятаго теперь авторомъ изслѣдованія потребовало отъ него великой усидчивости и обременительной работы,—вообще—не зауряднаго трудового подвига. Съ другой стороны—тѣмъ же самымъ дается понять, что въ разсматриваемой книгѣ мы имѣемъ детальное обслѣдованіе вопроса въ принятомъ авторомъ направленіи.

При всей детальности изслѣдованія, при всей порою особенной частности вопросовъ, затрогиваемыхъ въ книгѣ, по своему изложенію она доступна и можетъ представлять интересъ для читателей и внѣ круга представителей богословской науки. Сочиненіе А. И. Покровскаго написано яснымъ языкомъ. Останавливая вниманіе на тѣхъ или другихъ историческихъ явленіяхъ, а равно касаясь какихъ либо лицъ,

В) *Избранныя бесѣды. Цѣна каждой 3 коп.*

Св. Василія Великаго: Бесѣда о зависти (№ 2). Бесѣда на упивающихся (№ 4). Св. Григорія Богослова: Слово о любви къ бѣднымъ (№ 12). Св. Ефрема Сиріина: О промыслѣ Божіемъ (№ 20). О второмъ пришествіи Господа Нашего Іисуса Христа (№ 22). О судѣ п. обѣ умплеціи (№ 23). Слово о всеобщемъ воскресеніи, о покаяніи и любви, о второмъ пришествіи Господа Іисуса Христа (№ 25). О терпѣніи, о кончинѣ вѣка п. второмъ пришествіи о пріятномъ чтеніи божест. Писаній (№ 26). Обѣ утверждающихъ, что нѣтъ воскресенія (№ 28). О любви и молитвѣ (№ 29). На тѣхъ, которые ежедневно грѣшатъ и ежедневно каются (№ 31). На слова: „Положи, Господи, храненіе устамъ моимъ“ (Пс. 70, 3) (№ 33). На слова: „вся суетство и крушеніе духа“ (Екк. 1, 14) (№ 34). Св. Іоанна Дамаскина: Слово о почитаніи святыхъ и ихъ мощей, и св. іконъ (№ 50).

Г) *Журналы.* Полное годовое изданіе ж.: „Богословскій Вѣстникъ“ за гг. 1892—1900 цѣна 6 р. за годъ; за 1901—1910 г. 7 р. за годъ, безъ пересылки.

Прибавленія къ журналу „Творенія Св. Отцевъ“ за гг. 1844—1847; 1853—1864; 1871 и 1875. ц. 1 р. за годъ, а за 1880—1891 гг. ц. 2 р. за годъ.

Указатель статей, помѣщенныхъ въ Приб. къ Твор. Св. Отцевъ за 1843—1862 г. ц. 20 к.

Тоже за 1843—1886 г. ц. 35 к.; тоже за 1887—1891 г.г.

Указатель къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“ 1892—1901 г.г. ц. 60 к.; то-же за 1902—1911 г.г. ц. 40 к.

Указатель къ Твор. Епифанія Кипрскаго ц. 75 к.; Указ. къ Твор. Исаака Сиріина, ц. 50 к.

Д) *Изданія редакціи „Богословскаго Вѣстника“.*

Догматы о Святой Троицѣ и полное знаніе, ц. 30 к.

Еп. Никодима: О святѣйшемъ Синодѣ, ц. 10 к.

Архим. Григорія. Третье великое путешествіе Св. Ап. Павла, ц. 2 р.

Пр. А. В. Горскаго: Исторія Евангельская и церкви Апостольской (Акад. лекц.), 2 р. 50 к. съ пер. Слова *прот. Горскаго*, ц. 50 к. Жизнь св. Аванасія Великаго, арх. Александрійскаго, цѣна 75 к. *Его-же* и *Невоструева.* Описаніе славян. рукоп. Моск. синод. библіотеки. Отд. 1 ч. 3. ц. 3 р. *То-же.* Отд. 3, ч. 1-я. Книги богослужбныя, ц. 3 р.

Голубинскаго Д. Ѳ. О кругообращеніи атмосферы, 20 к. Руководство къ Пасхалии, ц. 15 к.

Пр. Горскій въ воспоминаніи о немъ Моск. Д. Академіи въ 25-ю годовщину со дня смерти, ц. 1 р.

Пр. Добротворскаго. Православное Догматическое богословіе, ц. 60 к.

Архим. Евсевія. Поученія о христіанской надеждѣ и любви, ц. 1 р. 75 к.

Архим. Евсевія. Бесѣды о спасительныхъ таинствахъ (обѣ Евхаристіи), ц. 30 коп.

Житіе и чудеса Преп. Сергія Радонезскаго и всея Россіи чудотворца, ц. 5 к.

Историческая записка о празднованіи 50-лѣтія Моск. Д. Академіи, ц. 25 к.

Казанскаго П. С. Свидѣтельство памятниковъ египетской исторіи о пребываніи Евре-евъ въ Египтѣ, ц. 25 к.

Св. Левъ, Папа Римскій, цѣна 30 коп.

О литургіи *преждеосвященныхъ даровъ*, ц. 40 к.

Обличеніа на кн. О возможномъ соединеніи церкви рос. съ западной, ц. 10 к.

Обѣ Анагирствъ стр. 123. цѣна 25 коп.

О поведеніи древнихъ христіанъ во дни *воскресные и праздничные*, ц. 20 к.

Попова С. Г. Ректоръ М. Д. А. протоіер. А. В. Горскій. (Опытъ біографическаго очерка съ портретомъ), ц. 1 руб.

Празднованіе 50-лѣтія М. Д. Академіи, ц. 20 к.

Разсужденіе, въ которомъ излагается *ученіе Отцовъ церкви* трехъ первыхъ вѣковъ христіанства о *Божествѣ Сына Божія*, ц. 40 к.

Разсужденіи о томъ, что Владыка Израилевъ, о Которомъ говоритъ пророкъ Михей въ *У. 2 ст.* есть *Мессія—Исусъ*, ц. 15 к.

Сборникъ, изд. по случаю празднованія 50 лѣтія М. Д. Академіи, ц. 1 р.

Пр. С. К. Смирнова. Исторія Моск. Дух. Академіи до ея преобразованія, ц. 3 руб.

Его же. Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи, ц. 2 р. 25 к.

Указатель книгъ Свящ. Писанія и предметовъ, объясняемыхъ въ словахъ и рѣчахъ *Митроп. Филарета*, по изданію въ 3-хъ томахъ 1844—45 гг. ц. 10 коп.

Филаретъ м. Моск. О догматическомъ достоинствѣ и хранительномъ употребленіи греческаго 70 толковниковъ и славянскаго переводовъ Св. Писанія, ц. 15 к.

Филарета арх. Хар. Ист.-статистическое описаніе Харьковской епархіи. Вып. 1—4. ц. 3 р. *Его-же.* Обзоръ рус. дух. литературы (862—1820 г.). Изд. 1849 г., ц. 1 р. 50 к.

Прот. А. А. Вязьмевъ. Проф. П. С. Казанскій и его переписка съ еп. Костромскимъ Платономъ, 1910 г. ц. 1 р.

Жизнь архимандрита Никодима Казанцева, 1911 г. ц. 60 к.

Памяти профессора *Д. Ѳ. Голубинскаго*, ц. 30 к.; Памяти *Арх. Григорія*, ц. 10 коп.

Памяти наставника нашего. *В. Д. Кудрявцева-Платонова*, ц. 50 к. Памяти проф.

И. Н. Корсунскаго, ц. 20 к. Памяти *Е. В. Амфитеатрова*, ц. 15 к.

А. Потапова. Достаточно ли для философіи метода естественныхъ наукъ, ц. 15 к.

В. Кирѣева. Совр. положеніе старокатаг. вопроса, ц. 20 к.

И. Корсунскаго. Высокопресв. Леоптій митрополитъ Московскій, ц. 20 к.

Святитель Филаретъ Москов. въ письмахъ къ С. Д. Нецаеву, ц. 10 к.

Списки студентовъ Москов. Духов. Акад. съ 1814 по 1903 г., ц. 90 коп.

Некрологи профессоровъ Академіи: *Е. Е. Голубинскаго* (ц. 10 к.), *В. О. Ключевского* (5 к.), *А. П. Голубцова* (ц. 15 к.).

Цѣны на изданія Редакціи Богословскаго Вѣстника подняты на 100⁰/₀.